Международные процессы, Том 16, № 3, сс. 84–99
DOI 10.17994/IT.2018.16.3.54.4

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ
Обзоры зарубежных публикаций

ДИСКУССИЯ ОБ ОБРАЗАХ СИЛЫ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*ПОВОРОТ НЕ ТУДА?**

НИКОЛАЙ ЮДИН
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Понятие «сила» принадлежит к числу краеугольных в науке о международных отношениях. Его используют и при анализе текущих реалий, и для прогнозирования будущего мирового порядка. Вокруг него развернулись бессчётные дискуссии с оригинальными концепциями и подходами, создающие представление об изучении силы в международных отношениях как динамично развивающемся научном направлении. Между тем за внешним благополучием скрывается ряд серьёзных теоретических проблем и пробелов, негативно отражающихся на возможностях прикладного анализа силовых взаимоотношений на мировой арене. В центре внимания статьи находится дискуссия о лицах или измерениях силы – одна из ключевых для зарубежных исследований данной проблематики тем, которая в значительной мере определила современный облик этой субдисциплины. Автор подвергает подробному критическому анализу концепции Р. Даля, П. Бахраха и М.С. Бараца, С. Льюкса и ряда других зарубежных исследователей, рассматривая последствия развернувшихся вокруг них научных обсуждений для теоретического осмысления силы. В результате он приходит к выводу о том, что, вопреки распространённым представлениям, дискуссия о лицах силы не может трактоваться как пример поступательного развития научных представлений в международных отношениях от более примитивных и редукционистских к более нюансированным и методологически совершенным. Увлекшись дискуссией о лицах силы, специалисты ушли от изучения по-настоящему фундаментальных проблем в сторону пусть и важных, но исключительно частных вопросов, поспособствовав тем самым развитию ряда крайне негативных с точки зрения эпистемологии силы тенденций. Первая из них выражается в существенном снижении общего уровня научной рефлексии проблематики силового взаимодействия. Вторая тенденция заключается в постоянном, ничем не ограниченном и методологически не оправданном расширении исследовательского поля за счёт включения в него всё новых форм и видов социальных взаимодействий. Наконец, третья тенденция связана с привнесением в процесс концептуального анализа феномена «силы» нормативного компонента, попытками дать ценностно приемлемое его определение. Ярчайшей иллюстрацией всех этих тенденций может служить концепция «мягкой силы» Дж. Ная, разбору которой посвящена вторая часть статьи. Выходом из сложившейся ситуации, по мнению автора, может стать, с одной стороны, обращение к незаслуженно забытым идеям Р. Даля, а с другой – дополнение их более проработанной методологией изучения социально-экономических детерминант силового взаимодействия на международной арене.

Ключевые слова:

сила; теория международных отношений; дискуссия о лицах силы; силовое взаимодействие; силовой потенциал; баланс сил; «мягкая сила».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00088.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10 июля 2018 г.
Дата принятия к публикации: 8 октября 2018 г.

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: nicolas.yudin@gmail.com

Повторяемые на разные лады утверждения о том, что международные отношения усложняются, становятся всё более непредсказуемыми, запутанными и неопределёнными, превратились в один из лейтмотивов выступлений политиков и экспертов. Они проходят красной нитью через научные исследования и доктринальные документы [Глобальная система на переломе 2016][1]. Насколько эти утверждения обоснованны? В какой мере они отражают объективные процессы усложнения картины международной жизни в связи с обострением взаимодействий между ведущими государствами, появлением (во многом благодаря научно-технологическому прогрессу) новых участников и измерений мировой политики? А в какой – объясняются современным состоянием развития исследований международных отношений, уровнем научной рефлексии её ключевых понятий и методов? Однозначного ответа на эти вопросы не существует, но обращение к изучению парадигмальных для современной теории международных отношений подходов к определению ключевых понятий, призванных концептуализировать сущность и содержание мирополитических процессов и явлений, может помочь пониманию означенной проблемы. В этой связи существенный интерес представляет изучение текущего состояния исследований проблематики силы.

Следует сразу оговориться, что в рамках данной статьи понятие «сила» отождествляется с английским словом «power». Именно о нём пишут западные социологи и политологи, работы которых будут рассмотрены ниже. Несмотря на то что в ряде случаев для перевода англоязычного понятия было бы корректнее использовать слово «власть», в данной статье будет употребляться понятие «сила». Подобный подход представляется оправданным ввиду нескольких обстоятельств. *Во-первых*, следует отметить, что в настоящий момент «power» – это именно слово, а не научное понятие, категория или хотя бы термин. Как таковое оно ещё не обрело понятийного содержания, строго определённого значения, не превратилось в инструмент собственно *исследовательского* познания. В англоязычной литературе до сих пор не сложилось единого мнения относительно соотношения слов «power», «influence», «force», «authority». Являются ли они формами, отдельными проявлениями некоего общего социального феномена [Dahl 1957]? Или же они образуют некую иерархию (в этом случае одни исследователи отдают приоритет, например, «influence», как наиболее базовой, общей категории, по отношению к которой все прочие выступают как подвиды, другие же «power» ставят выше, как родовую характеристику) [Bachrach, Baratz 1970]? Или, возможно, они выступают

[1] См. также: Глобальный бунт или глобальный порядок. Революционная ситуация в мире и что с ней делать: Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2017. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/14649/ (дата обращения: 07.07.2018); *Дынкин А.А.* Горизонты странного мира // Независимая газета. 22.04.2014. URL: http://www.ng.ru/scenario/2014-04-22/9_horizons.html (дата обращения: 07.07.2018); The National Military Strategy of the United States of America // Joint Chiefs of Staff. June 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (дата обращения: 04.07.2018); Navigating America's foreign policy in an uncertain world // Council on Foreign Relations. 09.02.2011. URL: http://www.cfr.org/technology-and-foreign-policy/navigating-americas-foreign-policy-uncertain-world/p34927 (дата обращения: 07.07.2018); Friends, foes and future directions. U.S. Partnerships in a turbulent world // RAND Corporation. 2016. URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1210.html (дата обращения: 07.07.2018); Choices for America in a turbulent world // RAND Corporation. 2015. URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1114.html (дата обращения: 06.07.2018); America's security deficit: Addressing the imbalance between strategy and resources in a turbulent world // RAND Corporation. 2015. URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1223.html (дата обращения: 07.07.2018); *Lindsay J.M.* World outlook for 2016 // Council on Foreign Relations. URL: http://www.cfr.org/global/world-outlook-2016/p37402 (дата обращения: 06.07.2018); Order from chaos. Foreign policy in a troubled world // Brookings Institution. Blog. URL: http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos (дата обращения: 06.07.2018).

синонимами? [Polsby 1963]. Ответы на эти вопросы, если они вообще ставятся в том или ином конкретном исследовании, как правило, носят крайне умозрительный характер и сводятся к неким интуитивным соображениям и абстрактным наблюдениям. *Во-вторых*, отмеченные проблемы ещё больше усугубляются трудностями, связанными с переводом слова «power» на другие языки, в частности русский. Как представляется, в свете изначальной его неопределённости, все споры о наиболее удачном (не говоря уже о точном) переводе, а также, шире, все попытки чётко систематизировать российскую практику употребления слов «сила», «власть», «могущество», «мощь» с опорой на такого рода «лингвистические» или «семантические» аргументы изначально носят спекулятивный характер и не могут помочь повысить точность и прозрачность понятийного аппарата международно-политических исследований. По крайней мере, пока речь идёт именно о словах, а не о научных понятиях.

Формулирование научного определения социального феномена, описываемого в настоящий момент с помощью указанных слов, определения, которое носило бы универсальный характер и не зависело бы от «смысловых особенностей слов в разных языках» [Ледяев, Ледяева 2016], должно быть центральной задачей для соответствующего раздела теории международных отношений. Пока она не решена, наиболее целесообразным будет вынести за скобки анализа все споры относительно соотношения тех или иных слов и выражений как в русском, так и в английском языке, а также их соответствующего перевода. В рамках данной статьи мы будем использовать перевод слова «power» как «сила», следуя установившейся в отечественных исследованиях традиции.

Как таковое понятие «сила» выступает одним из краеугольных, стержневых для всей международно-политической науки, служащим инструментом анализа истории международных отношений, интерпретации современных реалий, построения прогнозов и сценариев развития в средне- и долгосрочной перспективе. Оно используется прежде всего в контексте рассуждений о реальном и возможном балансе сил, центросиловой конфигурации международных отношений, силовом потенциале отдельных государств [Барановский 2017; Богданов 2014; Мельвиль 2018; Никитин 2016; Симония, Торкунов 2015; Шаклеина 2015]. О непреходящем интересе к данной проблематике в России свидетельствует также выход в свет в последние годы переводов на русский язык ряда фундаментальных социологических исследований, посвящённых проблемам силы/власти [Манн 2018a, 2018b].

Учитывая фундаментальную важность данной концепции, логично предположить, что её изучению будет уделено самое пристальное внимание. Первое знакомство с научными работами оставляет впечатление, что исследования силы представляют собой динамично развивающееся направление. Оно не только чутко реагирует на все изменения в современных международных отношениях, но и характеризуется интенсивным внутренним развитием. Последняя особенность проявляется, в частности, в регулярно обогащающемся каскаде определений и концепций: от ставших уже вполне привычными «мягкой», «умной» [Nye 1990, 2004, 2011] и «нормативной силы» [Manners 2002] до гораздо более экстравагантных «липкой» [Mead 2009], «острой» [Walker, Ludwig 2017; Nye 2018], «образовательной» [Давыдов 2004], «утончённой», «мистической» [Леонова 2013] и прочих «сил». Кажется, что проблематика силы проникает во всё новые сферы и измерения мировой политики, адекватно отражая меняющиеся реалии международного взаимодействия и оперативно отвечая на потребности политиков и стратегов.

Тем не менее, как мы постараемся показать в настоящей статье, за этим внешним благополучием скрывается теоретическая пустота, нарастающая фрагментация исследовательского поля, размывание его методологических оснований и углубляющийся разрыв с объективными потребностями анализа международно-политиче-

ских процессов. Все эти проблемы, в свою очередь, выступают отражением ряда фундаментальных недостатков, присущих современным исследованиям проблематики силы в теории международных отношений и в политической науке в целом. Главным из них остаётся отмеченная выше неотрефлексированность самого феномена «силы».

Для того чтобы проиллюстрировать это утверждение, в рамках данной статьи будет представлен анализ дискуссии о лицах (или измерениях) силы – ключевой для зарубежных (прежде всего американских) исследований темы. Именно из дебатов по этому вопросу прямо или косвенно проистекают практически все наиболее распространённые определения феномена «силы» в современной теории международных отношений.

Сама по себе дискуссия о лицах силы неоднократно становилась предметом специального рассмотрения. Более того, с её краткого обзора начинается едва ли не каждое теоретическое исследование понятия «сила» [Ледяев 2001; Barnett, Duvall 2005; Haugaard 2015; Nye 2011]. Тем не менее её изучение по-прежнему далеко от завершения, во многом по причине накопившихся к настоящему времени неверных интерпретаций идей её основоположников. Данная статья, вполне естественно, не может претендовать на то, чтобы разом дать ответ на все вопросы, которые оформились в рамках этой дискуссии за более чем 50 лет существования. Как таковую эту дискуссию вообще едва ли можно в полной мере охватить в рамках одной, ограниченной по своему объёму статьи. В этой связи далее будет представлен анализ лишь нескольких аспектов продолжающихся дебатов, связанных с не до конца отрефлексированными тенденциями. Представляется, что недостаточная разработанность этих трендов во многом обусловила отмеченные выше проблемы в осмыслении феномена «силы».

1

Дискуссия о лицах силы продолжается уже несколько десятилетий. За это время фокус дебатов не раз смещался с одного сюжета на другой, обогащая общую канву рассуждений всё новыми деталями, гипотезами и оценками. Вместе с тем ядро обсуждений можно обрисовать путём анализа буквально считанного числа знаковых работ. Главная из них – статья американского социолога и политолога Роберта Даля, увидевшая свет в 1957 году [Dahl 1957].

Разумеется, было бы ошибкой рассматривать Р. Даля как первопроходца в области исследований силы (власти), лишённого каких-либо предшественников. В своих исследованиях он опирался на уже накопившийся к тому моменту массив политологических и социологических работ (см. подробнее: [Berndtson 2014]). Вместе с тем ни одно теоретическое исследование ни до, ни после не оказывало такого масштабного влияния на исследовательское поле силы, по крайней мере в международно-политической науке. В чём же причина такого продолжительного эха работы Р. Даля?

Во-первых, с точки зрения концептуального осмысления понятия «сила» определение, предложенное этим теоретиком, представляло собой если не разрыв со всей предшествующей традицией, то, как минимум, качественный шаг вперёд. До начала 1950-х годов в международно-политических исследованиях практически безраздельно доминировал атрибутивный (ресурсоориентированный) подход к пониманию рассматриваемого феномена [Mattern 2008: 692]. Согласно ему сила субъекта сводится к совокупности его ресурсов (прежде всего материальных): площади территории, количеству и разнообразию природных богатств, количеству и плотности населения, численности армии, объёмам экономики [Morgenthau 1948; Sprout H., Sprout M. 1945].

Из этого подхода логично выводилось следствие, имеющее принципиальное значение для теории международных отношений – раз сила государства равна совокупности его потенциалов, то она сама – своеобразный ресурс, а значит, её можно накапливать, хранить, использовать и тратить. При этом сила выступает точно таким же

атрибутом государства, как чёткие границы, бюрократический аппарат, суверенитет. Просто у одних государств силы больше, у других – меньше. Будучи выражением совокупности внутренних ресурсов государства, сила никак не зависит от взаимодействия с другими игроками. Именно эти рассуждения поставил под сомнение Р. Даль.

Опираясь на идеи Гарольда Лассуэлла и Абрахама Каплана [Lasswell, Kaplan 1950] и современные ему исследования в области социологии, он сформулировал определение силы как особого социального феномена. Согласно Р. Далю, на самом базовом, фундаментальном уровне оно характеризует способность субъекта *A* заставить каким-то образом объект *B* сделать то, чего тот иначе делать не стал бы [Dahl 1957: 202–203]. Отсюда берёт начало ставший к настоящему моменту парадигмальным в западной теории международных отношений подход к определению силы: поведенческий (бихевиористский, реляционный, контекстно-ориентированный).

Причина, по которой Даль своей работой бросил вызов предшествующей традиции, заключается в том, что в соответствии с его подходом сила теряет самостоятельный субстанциальный статус. Речь идёт о том, что не существует некой абстрактной силы государства. Она всегда конкретна и проявляется только в рамках строго очерченного взаимодействия субъектов. Пока его не произошло, судить о силе того или иного субъекта международных отношений можно только гипотетически [Baldwin 2013]. Лишь в рамках отношений субъекта и объекта она обретает субстанциальность и определённость. Тем самым подобный подход позволяет чётко разграничить потенциал субъекта (силу потенциальную) и собственно его силу (силу явленную) [Mattern 2008: 692–693].

Во-вторых, вклад Р. Даля в развитие исследований силы не ограничивается формулированием рамочного определения данной концепции. Признавая, что оно остаётся слишком общим и абстрактным, чтобы стать основой для проведения эмпирических разработок, американский теоретик также обозначил методы и способы его инструментализации. Ключом к разработке операциональной дефиниции силы выступает конкретизация контекста силового взаимодействия. Например, для решения задачи сравнения силы двух игроков представляется необходимым сопоставить: (1) источники или (ресурсную) базу силы каждого субъекта силового взаимодействия; (2) средства или способы, с помощью которых субъекты оказывают воздействие на объект(ы); (3) сферы реализации силового воздействия, в том числе их количество; (4) число объектов, на которые может оказать воздействие каждый из сравниваемых субъектов[2]; (5) вероятность изменения поведения объекта(ов) [Dahl 1957: 205–206].

Здесь следует обратить внимание на несколько моментов. *Во-первых*, предложенная методология анализа является двухчастной, предполагая изучение обоих «полюсов» силового взаимодействия. Со стороны субъекта, что означает скрупулёзный учёт имеющихся в его арсенале ресурсов и средств воздействия; и со стороны объекта, причём сам Р. Даль подчёркивал, что для решения задачи сравнения силы двух субъектов именно этот, второй аспект оказывается ключевым [Dahl 1957: 206–207]. *Во-вторых*, данная методология, как отмечает один из её главных защитников и апологетов, Дэвид Болдуин, чрезвычайно гибка и масштабируема. Она не содержит жёстких априорных установок, которые заранее очерчивали бы фокус анализа, требуя от исследователей ограничиваться какими-то специфическими сферами или формами силового взаимодействия. Их выбор определяется исходя прежде всего из нужд конкретного исследования и объективных ограничений, связанных с доступностью источников информации относительно

[2] При обязательном соблюдении в пунктах 3 и 4 условия сопоставимости сфер и объектов силового воздействия.

того или иного аспекта изучаемого случая [Baldwin 2013; 2015: 215–222].

Между тем исключительно справедливые и проницательные наблюдения Р. Даля оказались в значительной степени проигнорированы последующими исследователями, которые, в рамках развернувшейся дискуссии о лицах силы, сосредоточились на второстепенных или вовсе превратно истолкованных аспектах его концепции. Впрочем, отчасти вина за то, что дискуссия о лицах силы приобрела такой поворот, лежит на самом теоретике. В своих последующих трудах он по каким-то причинам не смог или не захотел в полной мере реализовать собственные методологические наработки [Dahl 1961]. В этой связи нельзя согласиться с Д. Болдуином [Baldwin 2015: 211–213], который в защиту Р. Даля заявлял, что его работы надо рассматривать в совокупности и только так можно получить цельную картину. В конце концов, речь идёт не о толковании священного текста, а о научном исследовании, в котором наличие недосказанностей не может не вызывать вопросов.

Уже в 1962 г. свет увидела вторая знаковая работа о лицах силы, собственно, с которой началась *дискуссия* по этому вопросу, – статья американских политологов Питера Бахраха и Мортона С. Бараца [Bachrach, Baratz 1962]. По их мнению, в своём определении силы Р. Даль смог уловить только одно, пусть и важное, но не единственное измерение силового взаимодействия – прямое, открыто явленное воздействие субъекта на объект с целью заставить его изменить свое поведение [Bachrach, Baratz 1962: 948–950]. Подобный подход вынуждает исследователей проблематики силы ограничиваться изучением лишь наиболее очевидных и заметных примеров, в которых присутствует непосредственный конфликт. Между тем, как подчёркивают П. Бахрах и М. Барац, не меньший интерес представляют случаи силового взаимодействия, при которых не наблюдается явного противостояния. В частности, речь идёт о ситуации, когда сила субъекта проявляется в способности устанавливать механизмы принятия решений или формировать повестку в международных организациях таким образом, что другие вынуждены (хотят они того или нет) следовать установленным порядкам, принимать правила игры [Bachrach, Baratz 1962: 950–952]. Таким образом, субъект, реализуя свой ресурсный потенциал или институциональное положение, задаёт рамочные ограничения относительно того, какие вопросы подлежат обсуждению, какие мнения и предложения могут быть рассмотрены или вообще озвучены. Суть силового взаимодействия в рамках этого, второго измерения заключается в ограничении возможностей контрагента озвучивать собственное мнение, отстаивать свою позицию и, как следствие, в принципе вступать в конфликт с субъектом.

В некоторых отношениях второе лицо силы представляет противоположность первого. Не в смысле, что оно более снисходительно к объекту[3], но в том, что если первое лицо описывает активное, деятельное воздействие субъекта на объект, то второе – привлекает внимание к возможности оказания аналогичного влияния через неделание, недопущение конфликта [Mattern 2008: 693; Chayes A., Chayes A.H. 1993; 1995].

Последний сюжет получил логическое развитие в монографии американского специалиста Стивена Льюкса, впервые увидевшей свет в 1974 году [Lukes 1974]. Она стала третьим опорным текстом в дискуссии о лицах силы[4]. Исследователь предложил радикальный (по его собственным представлениям) взгляд на описываемую проблематику. Уже во введении к первой главе, в которой собственно и сформулированы

[3] Невозможность даже в принципе оказать влияние на принятие решений по сути представляет собой не менее жёсткую форму принуждения, чем прямое и открытое давление.

[4] В настоящей статье используется второе, существенно расширенное и дополненное, издание этой книги 2005 г.

основные положения его концепции, автор весьма категорично и безапелляционно заявлял, что ни первое, ни второе лицо силы не в состоянии адекватно выразить всю глубину и подлинное содержание изучаемого феномена [Lukes 2005: 14]. С. Льюкс вменял Р. Далю, П. Бахраху и М.С. Барацу в вину, *во-первых*, чрезмерное увлечение анализом ситуаций, в которых и субъект и объект действуют исключительно на основании рационально понятых интересов и предпочтений; *во-вторых*, игнорирование случаев, когда никакого явного конфликта не наблюдается; наконец, *в-третьих*, недоучёт влияния на деятельность субъектов социально обусловленных, безличных и далеко не всегда отрефлексированных моделей поведения [Lukes 2005: 16–27].

Этим ограниченным, редукционистским трактовкам он противопоставлял «трёхмерный» взгляд на проблематику силы. Третье её измерение охватывало ситуации, когда субъект *A* оказывался в состоянии изменить поведение объекта B путём форматирования изначальных предпочтений последнего [Lukes 2005: 27–28]. Иными словами, речь шла о способности субъекта силового взаимодействия заставить объект желать того же, что и он сам. Благодаря этому исключалась бы сама возможность для возникновения конфликта, поскольку объект *B* искренно считал бы, что действует полностью самостоятельно и добровольно. Тем самым, по мнению С. Льюкса, третье лицо силы позволяло выявить пласт силовых взаимоотношений, в том числе на международной арене, вскрыть широкий пласт проблем, ранее ускользавших от внимания теоретиков, и сообщить исследованиям силы новую глубину.

Впрочем, реализация подобного подхода в эмпирических разработках оказалась сопряжена с рядом методологических трудностей, часть из которых признавал сам С. Льюкс. Прежде всего, неизбежно возникает вопрос, на каком основании в принципе можно говорить о существовании силового взаимодействия между *A* и *B*, если конфликта между ними не наблюдается? Как можно распознать воздействие на объект? Отвечая, С. Льюкс писал, что в данном случае речь идёт о латентном конфликте, о ситуации, когда интересы субъекта силового взаимодействия вступают в противоречие с реальными (объективными) интересами контрагента [Lukes 2005: 28]. Из этой идеи логично следовало, что исследователь, анализирующий конкретный случай взаимоотношений на мировой арене, обладает способностью идентифицировать и чётко отделить объективные интересы контрагентов от ложно понятых, навязанных им другими.

Эта методологическая предпосылка, в свою очередь, порождает ещё одну проблему: возможна ли ситуация, когда субъект *A*, оказывая воздействие на объект *B*, на самом деле способствует реализации подлинных интересов последнего? С. Льюкс не давал на этот вопрос удовлетворительного ответа. С одной стороны, он допускал с некоторыми оговорками подобный сценарий. С другой – общее определение силы, сформулированное С. Льюксом, звучит категорично: сила означает такое воздействие *A* на *B*, которое *противоречит* интересам последнего [Lukes 2005: 36–37].

Реакция западного исследовательского сообщества на работу С. Льюкса оказалась противоречивой. Практически сразу после выхода в свет его книга приобрела статус классического труда по теории силы, встав в один ряд с упомянутыми статьями Р. Даля, П. Бахраха и М. Бараца. Она закрыла дискуссию о лицах силы в её классическом понимании. Причём концепция С. Льюкса завершила её именно в том смысле, что за ней закрепился статус наиболее нюансированной и методологически совершенной. Вся предшествующая дискуссия стала трактоваться как отражение эволюции научных представлений от более простых, прямолинейных и редукционистских к более продвинутым, системным и всеобъемлющим [Barnett, Duvall 2005; Haugaard 2015; Nye 2011].

В то же время концепция С. Льюкса приобрела и немало противников, число которых со временем только росло. Особое раздражение западных исследователей вызвали его аллюзии на марксизм (в действи-

тельности весьма скромные). В частности, возражения вызывали его тезис о существовании объективных, реальных интересов у государств и способности исследователя их обнаружить и проанализировать [Hay 2002: 179], а также фактическое сведение им понятия силы исключительно к ситуациям доминирования *A* над *B* [Morriss 2002]. Под давлением обрушившейся на него критики во втором издании монографии С. Льюкс в несколько извиняющемся тоне постарался, пусть и не всегда последовательно, скорректировать ряд ключевых положений своей концепции. Итоговый результат (здесь можно согласиться с одним из главных критиков, Питером Моррисом) едва ли можно признать полностью удачным – получившийся текст оказался слишком противоречивым [Morris 2006].

Вместе с тем приведённые суждения, ценные с точки зрения понимания идей С. Льюкса, не затрагивают наиболее фундаментальные вопросы, связанные с его вкладом в развитие дискуссии о лицах силы и, шире, в изучение сущности и содержания данного понятия. В этом отношении гораздо больший интерес представляет критика, содержащаяся в работах Д. Болдуина. По мнению последнего, работа С. Льюкса, как и вся дискуссия о лицах силы, изначально строится на неправильном истолковании идей Р. Даля, приписывании его концепции совершенно чуждых её изначальному содержанию смыслов и трактовок. К числу таких ложных утверждений Д. Болдуин относит обвинения в «одномерности», в применимости только к случаям игры с нулевой суммой и ситуациям прямого давления со стороны субъекта силового воздействия на объект, основанного на использовании материальных ресурсов. Ни одно из этих утверждений не соответствует действительности [Baldwin 2015: 217–222].

Основную причину, по которой возникли подобные заблуждения, Д. Болдуин видит в том, что критики Р. Даля не до конца поняли главную цель статьи 1957 года, которая заключалась в выработке субстанционального, а не операционального определения силы [Baldwin 2015: 217]. В этой связи предложенная дефиниция, согласно которой сила означает способность *A* заставить *B* сделать что-то, чего тот в противном случае не сделал бы, должна трактоваться именно как самая общая, рамочная, призванная отразить лишь суть рассматриваемого явления и подлежащая конкретизации для превращения в инструмент прикладного политического анализа.

Более того, подчёркивает Д. Болдуин, обрисованная Р. Далем методология инструментализации понятия «сила» позволяет описать и второе лицо силы, описанное П. Бахрахом и М. Барацем, и третье лицо, предложенное С. Льюксом. Эти концепции не столько углубляют концептуальное понимание сути силовых отношений, сколько акцентируют внимание на тех или иных аспектах проблематики, оставаясь при этом целиком и полностью в русле методологических установок, сформулированных Р. Далем. В этой связи их правильнее было бы рассматривать не как полноценные самостоятельные модели, а лишь как некие вариации на тему ранее сформулированной теории, её более узкие и контекстно-специфичные интерпретации [Baldwin 2015: 222–223]. Общий пафос работ Д. Болдуина, посвящённых анализу эволюции исследований силы в теории международных отношений, сводится к простому тезису: с начала 1960-х годов ничего принципиально нового с точки зрения концептуального осмысления ключевых понятий теории международных отношений сделано не было [Baldwin 1997; 2013; 2015].

С этими оценками можно отчасти согласиться. С одной стороны, вопреки претензиям П. Бахраха, М. Бараца и С. Льюкса на выявление некого нового, более глубокого понимания сути силовых взаимоотношений, при ближайшем рассмотрении приходится констатировать, что их концепции не могут рассматриваться как пример качественно нового взгляда на описываемый феномен. Более того, в случае с С. Льюксом речь идёт о формулировании определения, которое явно обладает гораздо меньшим эпистемологическим потенциалом, чем дефиниция Р. Даля.

С другой стороны, нельзя сказать, что дискуссия о лицах силы вообще не внесла никакого содержательного вклада в теоретические исследования. Самим фактом своего существования она обнажила, как минимум, одну важнейшую проблему, присущую концептуализации феномена «силы» Р. Даля: недостаточно проработанный механизм операционализации понятия. В этом отношении концепция того же С. Льюкса, при всей её противоречивости, содержит ряд весьма перспективных наблюдений. В частности, она указала на социальную обусловленность интересов, целей и действий субъектов [Lukes 2005: 26]. Изучение механизмов, способов и закономерностей, лежащих в основе силового взаимодействия между игроками на мировой арене, могло бы, *во-первых*, придать качественно новый импульс концептуальному анализу проблематики силы в международных отношениях и, *во-вторых*, стать тем связующим мостиком, который позволил бы увязать воедино их теоретический и эмпирический уровни.

Между тем дискуссия о лицах силы пережила совсем другой поворот, способствовав фиксации в теоретических исследованиях нескольких крайне негативных тенденций. Первая, наиболее фундаментальная из них, выражается в существенном снижении общего уровня научной рефлексии проблематики силового взаимодействия, когда практически любая терминологическая новация (не важно, насколько методологически оправданная и обоснованная) воспринимается как имеющая право на существование самостоятельная концепция, а то и как значимое теоретическое достижение. Она имеет в своей основе популярный тезис, утвердившийся в исследованиях силы не без участия всё того же С. Льюкса [Lukes 2005: 14]. Согласно ему понятие «сила» принадлежит к категории сущностно оспариваемых, а значит – не подлежащих строгой формализации. Вторая тенденция заключается в постоянном, ничем не ограниченном и методологически не оправданном расширении исследовательского поля за счёт включения в него всё новых форм и видов социального взаимодействия, поиске всё более незаметных, утончённых и изощрённых форм (способов реализации, измерений) силы.

Третья – связана с чрезмерной концентрацией исследований на описании и каталогизации форм реализации силы. Эта задача, полезная сама по себе, в настоящий момент имеет тенденцию подменять собой изучение собственно феномена силы. Отсюда берёт начало парадоксальная ситуация, отмеченная в начале статьи, когда развитие исследовательского поля сводится к добавлению всё новых эпитетов («мягкая», «умная», «острая»), а вопрос «что такое сила?» выносится за рамки анализа, как если бы речь шла о чём-то само собой разумеющемся.

Наконец, четвёртая тенденция заключается в привнесении в процесс концептуального анализа феномена нормативного компонента, попытках дать ценностное приемлемое его определение. В результате даже те справедливые наблюдения касательно природы и сути феномена силы, возможностей и перспектив его изучения, которые были сделаны Р. Далем более пятидесяти лет назад, не получили должного отражения в практико-ориентированных разработках.

2

Ярчайшим примером, иллюстрирующим эти негативные тенденции, может служить концепция «мягкой силы», предложенная американским политологом Джозефом С. Наем. В рамках данного исследования мы не будем вдаваться в детальный анализ всех нюансов авторской интерпретации этой концепции[5]. Остановимся лишь на нескольких, наиболее важных с точки зрения теоретических исследований проблематики силы в международных отношениях элементах.

Дж. Най сам провёл достаточно подробный обзор истории развития теоретических

[5] Подробный разбор см.: [Юдин, 2014].

исследований силы, открыто солидаризируясь со сторонниками поведенческого подхода и подчёркивая, что атрибутивное понимание характеризуется ярко выраженным редукционизмом [Най 2014: 37–39]. Он также специально осветил дискуссию о лицах силы, основное содержание которой он видел в поступательном развитии исследовательского поля от преимущественного изучения прямых и грубых форм силового воздействия (первое лицо) к разработке всё более сложных и совершенных подходов (третье лицо) [Най 2014: 38–39].

Более того, концепция «мягкой силы» на первый взгляд предстаёт логическим развитием идей С. Льюкса. В частности, Дж. Най подчёркивал: «Мягкая сила – это способность формировать или переделывать предпочтения других, не прибегая к насилию и подкупу» [Nye 2004: 5]. Иными словами, вводимое им понятие также фокусирует внимание на возможности субъекта силового воздействия достигать своих целей путём форматирования первоначальных интересов объектов, тем самым минимизируя вероятность возникновения конфликта.

Однако именно в этом пункте кроется и принципиальное отличие концепции Дж. Ная от представлений о третьем лице силы С. Льюкса. Последний, как было показано выше, в итоге приходил к выводу, что силовое воздействие субъекта *всегда* противоречит реальным интересам объекта. Оно всегда связано с манипулированием, хотя бы потому, что одно из имманентных побуждений участника политических взаимоотношений состоит в том, чтобы не подвергаться никакому внешнему влиянию. Таким образом, силовому взаимодействию *всегда* присущ конфликт, пусть и латентный. Между тем Дж. Най, по сути, обосновывает возможность воздействия, полностью лишённого конфликтного потенциала. Причём его он также увязывает с феноменом «силы». В этом отношении идеи Дж. Ная служат прекрасной иллюстрацией современной тенденции, характерной для западных исследований, к поиску нормативно приемлемых, оправданных и желательных форм силовых отношений, которые можно было бы представить как некий идеал, противопоставляя традиционным методам навязывания своей воли [Gallarotti 2011; Haugaard 2012].

В частности, объясняя разницу между «жёсткой» и «мягкой силой», Дж. Най пишет: «Полное определение мягкой силы таково – это способность влиять на других посредством *сотрудничества* в формировании программы действий, убеждения и оказания *позитивного* привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов» [Nye 2011: 20–21]. Таким образом, в основе предлагаемого им разделения лежит весьма зыбкое и исключительно субъективное основание – определение конкретного проявления отношений как основанного на притяжении, сотрудничестве, убеждении («мягкая сила») или принуждении, давлении, подкупе («жёсткая сила»). Достаточно сказать, что эта оценка в отношении одного и того же акта силового взаимодействия может быть диаметрально противоположной у его субъекта и объекта.

В итоге концепцию «мягкой силы» можно рассматривать как полную антитезу, отрицание наблюдений и выводов С. Льюкса. Как таковая она ставит перед исследователями силовой проблематики ещё один, более фундаментальный вопрос: насколько целесообразно и оправданно трактовать все социальные отношения как проявления силового взаимодействия? Многие западные специалисты, зачастую под влиянием идей Мишеля Фуко, склонны отвечать на него утвердительно [Digeser 1992; Paolini 1993; Akram, Emerson, Marsh 2015]. На наш взгляд, подобный подход ведёт к выхолащиванию понятия «сила», поскольку оно начинает охватывать абсолютно все сферы, уровни и области социальных отношений, а значит – перестаёт обозначать что-либо конкретное. Впрочем, следует признать, что этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Важно остановиться на ещё одном, последнем и, в действительности, ключевом элементе теоретических построений Дж. Ная – их общеметодологических установках. Этот сюжет не получил должного освещения ни в отечественных, ни в зару-

бежных исследованиях «мягкой силы». Между тем он оказывается ключом к пониманию содержания всей концепции. Дж. Най ставит перед собой чрезвычайно амбициозную задачу – примирить в рамках одной модели, которую он сам называет теорией либерального реализма, два описанных выше основных подхода к определению силы в международных отношениях – атрибутивный и поведенческий. По его мнению, непреодолимых противоречий между ними нет. На самом деле в обоих случаях говорят об одном и том же явлении силы в международных отношениях – просто описывают его по-разному [Най 2014: 374].

Подобная базовая методологическая установка изначально ставит под вопрос релевантность и научную целесообразность всех последующих построений специалиста. Как было показано выше, атрибутивный и поведенческий подходы строятся на принципиально разном понимании онтологического статуса силы. Если первый наделяет силу субстанциальностью и предполагает, что она имманентно присуща субъектам, вне зависимости от наличия отношений между ними, то второй утверждает, что сила характеризует особый вид социального взаимодействия между субъектом и объектом и вне его не может быть познана. Иными словами, эти подходы к определению силы по своей природе носят взаимоисключающий характер. Попытка Дж. Ная объединить их в одной теории изначально была утопической: ему так или иначе пришлось бы сделать выбор и занять какую-то сторону.

Этот выбор, осознанно или нет, был сделан, как ни покажется странным в свете открыто заявленных симпатий к поведенческому подходу, в пользу атрибутивного понимания силы. В своих рассуждениях Дж. Най приходит к выводу, что «мягкая сила» государства связана не столько со специфическим поведением на международной арене, сколько с обладанием особыми ресурсами [Най 2014: 374]. Именно через их измерение можно получить представление о способности субъекта мировой политики оказывать влияние посредством собственной привлекательности. Из этого вывода проистекает чрезвычайно распространённое в исследованиях «мягкой силы» утверждение, что она выступает специфическим ресурсом, который можно накапливать, тратить и терять [Най 2014: 152–160; Паршин 2013: 21; 2014: 16–19; Леонова 2013; Королев, Владимирова, Трунина 2014]. На этом выводе строятся все современные рейтинги и индексы «мягкой силы»[6].

Концепция Дж. Ная даёт весьма симптоматичный пример с точки зрения понимания последствий того поворота, который приобрела дискуссия о лицах силы и, шире, современного состояния научной рефлексии феномена «силы» в международных отношениях. Будучи позиционируемой как качественно новый шаг в осмыслении проблематики, как попытка подвести итог многолетним дебатам, дать по-настоящему универсальный инструмент, она на деле строится на весьма поверхностном, а зачастую и просто превратном, истолковании самых базовых теоретических оснований

[6] Ernst&Young, Moscow School of Management Scolkovo. Rapid-growth markets soft power index. Spring 2012 // Skolkovo. 2012. URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2012-02-02_en.pdf (дата обращения: 01.07.2018); *Bryane M., Harwell C., Nureev B.* Soft Power: A double-edged sword? // BRICS Business Magazine. URL: https://bricsmagazine.com/en/articles/soft-power-a-double-edged-sword (дата обращения: 02.07.2018); *McClory J.* The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power // Institute for Government. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf (дата обращения: 02.07.2018); The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. 2015 // Portland Communications. URL: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf (дата обращения: 01.07.2018); The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. 2016 // Portland Communications. URL: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power-30-Report-2016.pdf (дата обращения: 01.07.2018); The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. 2017 // Portland Communications. URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf (дата обращения: 01.07.2018).

соответствующего направления исследований. В конечном счёте она представляет собой откат к идеям и представлениям о природе силы государств на мировой арене, которые существовали ещё до работ Г. Лассуэлла, А. Каплана, Р. Даля.

* * *

Проведённый в настоящей статье анализ позволяет, с одной стороны, сделать ряд уточняющих выводов об основных направлениях, содержании и промежуточных итогах эволюции теоретических исследований проблематики силы в западной международно-политической науке к настоящему моменту. С другой – приблизиться к пониманию трудностей, с которыми сопряжены исследования современной центросиловой конфигурации мировой политики и попытки построения прогнозов относительно её развития в будущем.

Не будет сильным преувеличением сказать, что теоретическое изучение феномена «силы» как полноценное самостоятельное научное направление берёт начало в столкновении двух принципиально различных подходов к пониманию сущности и природы этого явления: атрибутивного и поведенческого. Именно в рамках последнего появилась и развивалась дискуссия о лицах силы. Она была инициирована выходом в свет фундаментальной работы Р. Даля в 1957 г. и имела целью уточнение, развитие и углубление его выводов. При этом последующие рассуждения о втором и третьем измерениях (или лицах) силы с концептуальной точки зрения не представляли собой ничего принципиально нового, полностью вписываясь в заданные методологические рамки. Более того, не совершив качественного прорыва в теории силы, дискуссии по этому сюжету сместили фокус исследований в сторону от действительно фундаментальных проблем, связанных с разработкой научного определения силы. Они же сформировали ряд негативных тенденций, определяющих развитие исследовательского поля в настоящий момент, главная из которых заключается в ничем не ограниченном и методологически не оправданном расширении, ведущем к выхолащиванию самой сути понятия «сила».

Именно эта тенденция лежит в основе кажущейся динамичности современных исследований, которая проявляется в изобретении всё новых концепций. На деле за многочисленными эпитетами и приставками к слову «сила» чаще всего скрывается теоретическая пустота. Иного и нельзя ожидать от теоретизирования, пытающегося вывести новое определение из анализа частных проявлений, признаков и аспектов осмысляемого явления.

В итоге вместо поступательного развития научного знания о сущности и природе силы в международных отношениях наблюдается регресс, который наиболее ярко выражается в сохранении и даже укреплении в исследованиях силы позиций атрибутивного подхода, а также принятии в них в качестве аксиомы тезиса, что сила принадлежит к числу сущностно оспариваемых, а значит, не подлежащих строгому определению понятий. Последний тезис ведёт к успокоительному, но глубоко ошибочному выводу, что любая попытка определения феномена «силы» неизбежно будет представлять собой не более чем частное, субъективное мнение.

Если вернуться к проблеме, сформулированной в самом начале статьи, то можно заключить, что распространённость в современных международно-политических исследованиях тезисов об особой непредсказуемости и неопределённости современных международных отношений, как минимум, отчасти может объясняться именно несовершенством господствующих теоретических подходов и установок.

Возможным выходом из этой ситуации могло бы стать, с одной стороны, возвращение к идеям Р. Даля. С другой стороны, не лишним было бы их дополнить более проработанной, научно обоснованной методологией анализа механизмов силового взаимодействия на международной арене как особого вида социальных отношений, методологией, которая позволила бы эффективно связать теоретический и эмпирический уровни исследований проблематики силы.

Список литературы

Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1 (52). С. 55–63. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-55-63

Богданов А.Н. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. 2014. Т. 12. №38. С. 8–22.

Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / Пер. с англ.; Под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 32 с.

Давыдов Ю.П. Понятие «жёсткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений» // Международные процессы. 2004. № 4. С. 69–80.

Королёв В.А., Владимирова А.В., Трунина А.А. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 209–228.

Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.

Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2013. № 4. С. 27–40.

Манн М. Источники социальной власти: В 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств. 1760–1914. Кн. 1. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 512 с.

Манн М. Источники социальной власти: В 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 678 с.

Мельвиль А.Ю. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты // Политическая наука. 2018. №1. С. 173–200.

Най Д.С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 448 с.

Никитин А.И. Новая система отношений великих держав XXI века: «концерт» или конфронтация? // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 44–59. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.04

Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: Предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14–21.

Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр глобальных проблем. М.: МГИМО-Университет, 2013. 38 с.

Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. №3. С. 27–37.

Шаклеина Т. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. №3. С. 35–58.

Юдин Н.В. Жёсткий взгляд на «мягкую силу». Критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 134–163.

Akram S., Emerson G., Marsh D. (Re)conceptualizing the third face of power: insights from Bourdieu and Foucault // Journal of Political Power. 2015. Vol. 8. No. 3. P. 345–362. DOI: 10.1080/2158379X.2015.1095845

Bachrach P., Baratz M.S. Two faces of power // The American Political Science Review. 1962. Vol. 56. P. 947–952.

Baldwin D. The concept of security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23. No. 1. P. 5–26.

Baldwin D. Misinterpreting Dahl on power // Journal of Political Power. 2015. Vol. 8. No. 2. P. 209–227. DOI: 10.1080/2158379X.2015.1055950.

Baldwin D. Power and international relations / Handbook of international relations // ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons. London: SAGE Publ., 2013. P. 273–297.

Baldwin D. Power and international relations. A conceptual approach. Princeton: Princeton University Press, 2016. 223 p.

Barnett M., Duvall R. Power in global governance / Power in global governance // ed. by M. Barnett, R. Duvall. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 368 p.

Chayes A., Chayes A.H. The new sovereignty: compliance with international regulatory agreements. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1995. 417 p.

Chayes A., Chayes A.H. On compliance // International Organization. 1993. Vol. 47. No. 2. P. 175–205.

Dahl R. The concept of power // Behavioral Science, 1957. Vol. 2. No. 3. P. 201–215.

Dahl R. Who governs? Democracy and power in an American city. New Haven: Yale University Press, 1961. 355 p.

Digeser P. The fourth face of power // The Journal of Politics. 1992. Vol. 54. No. 4. P. 977–1007. DOI: 10.2307/2132105.

Gallarotti G.M. Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4. No. 1. P. 25–47. DOI:10.1080/2158379X.2011.557886.

Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: domination and empowerment // Journal of Political Power. 2012. Vol. 5. No. 1. P. 33–54.
Hay C. Political analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 336 p.
Lukes S. Power: a radical view. London: Macmillan, 1974. 64 p.
Lukes S. Power: a radical view: 2nd ed. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 192 p.
Manners I. Normative power Europe: A contradiction in terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 235–258.
Mattern J.B. The concept of power and the (un)discipline of international relations / The Oxford handbook of international relations // ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2008. 772 p.
Mead W.R. America's sticky power // Foreign Affairs. 29.10.2009. URL: https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/ (дата обращения: 08.07.2018).
Morgenthau H.J. Politics among nations: the struggle for power and peace. New York: Knopf, 1948. 489 p.
Morriss P. Power: a philosophical analysis. 2nd ed. Manchester: Manchester University Press, 2002. 277 p.
Morriss P. Steven Lukes on the concept of power // Political Studies Review. 2006. Vol. 4. P. 124–135.
Lasswell H.D., Kaplan A. Power and society: a framework for political inquiry. New Haven: Yale University Press, 1950. 295 p.
Nye J.S. Soft power: means to success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 192 p.
Nye J.S. Soft power // Foreign Policy. 1990. №80. P. 153–171.
Nye J.S. The future of power. New York: Public Affairs, 2011. 300 p.
Nye J.S. How sharp power threatens soft power // Foreign Affairs, 24.01.2018. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power (дата обращения: 08.07.2018).
Paolini A. Foucault, realism and the power discourse in international relations // Australian Journal of Political Science. 1993. Vol. 28. No. 1. P. 98–117.
Sprout H., Sprout M. Foundations of national power: readings on world politics and American security. Princeton: Princeton University Press, 1945. 774 p.
Walker C., Ludwig J. The meaning of sharp power // Foreign Affairs. 16.11.2017. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power (дата обращения: 08.07.2018).

FACES OF POWER DEBATE IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

A WRONG TURN?

NIKOLAY YUDIN
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The notion of power is fundamental to the international relations theory serving as a tool for both assessment of the contemporary IR and making forecasts about a new world order. Studies of power give an impression of a dynamic subdiscipline, rich with substantive discussions, new concepts and approaches. However, this image can be deceptive, hiding serious theoretical issues and gaps which severely limit the opportunities for applied analysis of power relations in the international arena. This paper focuses on the so-called faces (or dimensions) of power debate – one of the key theoretical debates within the Western studies of power, which to a considerable extent has predetermined the present state of the subdiscipline. On the basis of a thorough critical analysis of works by R. Dahl, P. Bachrach, M.S. Baratz, S. Lukes and several other scholars the paper provides an original assessment of the main points and directions of the faces of power debate, as well as its implications for theoretical studies of power in international relations. It is shown that contrary to common perceptions this debate should not be viewed as a manifestation of a steady and continuous development of scholarly approaches to understanding the

essence of power in international relations from overly simplified and reductionist towards more sophisticated and methodologically consistent. The author argues that the debate on the faces of power has shifted the focus of power studies away from fundamental theoretical issues towards albeit important but only peripheral questions and consolidated several trends, detrimental to the epistemology of power. The general decrease in scholarly knowledge of power agenda constitutes the first and most fundamental trend. The second trend is a continuous and methodologically untenable process of broadening the research field of power to include new forms and types of social interactions. Finally, the third trend is linked to the introduction of normative components in the process of conceptual analysis of the notion of 'power', increasing attempts to provide definition of a normatively desirable power. The second section of the paper examines the concept of J.S. Nye as an illustrative example of these trends. The author concludes that a possible way to break this impasse involves resurgence of unduly forgotten ideas of R. Dahl enhanced by a more elaborated methodology for study social and economic determinants of power relations in the international arena.

Keywords:

notion of power; international relations theory; faces of power debate; power relations; power potential; balance of power; 'soft power'; R. Dahl; S. Lukes; J.S. Nye.

References

Akram S., Emerson G., Marsh D. (2015). (Re)conceptualizing the third face of power: insights from Bourdieu and Foucault. *Journal of Political Power.* Vol. 8. No. 3. P. 345–362. DOI: 10.1080/2158379X.2015.1095845.

Bachrach P., Baratz M.S. (1962). Two faces of power. *The American Political Science Review.* Vol. 56. P. 947–952.

Baldwin D. (1997). The concept of security. *Review of International Studies.* Vol. 23. No. 1. P. 5–26.

Baldwin D. (2013). Power and international relations. In: *Handbook of international relations.* Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons. London: SAGE Publ. P. 273–297.

Baldwin D. (2015). Misinterpreting Dahl on power. *Journal of Political Power.* Vol. 8. No. 2. P. 209–227. DOI: 10.1080/2158379X.2015.1055950.

Baldwin D. (2016). *Power and international relations. A conceptual approach.* Princeton: Princeton University Press. 223 p.

Baranovskii V.G. (2017). Izmeneniya v global'nom politicheskom landshafte [Changes in global political landscape]. *Puti k miru i bezopasnosti.* No. 1 (52). P. 55–63. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-55-63.

Barnett M., Duvall R. (2005). Power in global governance. In: *Power in global governance.* Ed. by M. Barnett, R. Duvall. Cambridge: Cambridge University Press. 368 p.

Bogdanov A.N. (2014). Amerikanskaya gegemoniya i faktory sistemnoi nestabil'nosti v XXI veke [American hegemony and systemic stability]. *Mezhdunarodnye protsessy.* Vol. 12. No. 38. P. 8–22.

Chayes A., Chayes A.H. (1993). On compliance. *International Organization.* Vol. 47. No. 2. P. 175–205.

Chayes A., Chayes A.H. (1995). *The new sovereignty: compliance with international regulatory agreements.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 417 p.

Dahl R. (1957). The concept of power. *Behavioral Science.* Vol. 2. No. 3. P. 201–215.

Dahl R. (1961). *Who governs? Democracy and power in an American city.* New Haven: Yale University Press. 355 p.

Davydov Yu.P. (2004). Ponyatie «zhestkoi» i «myagkoi» sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii ["Hard" and "soft" power in international relations theory]. *Mezhdunarodnye protsessy.* No. 4. P. 69–80.

Digeser P. (1992). The fourth face of power. *The Journal of Politics.* Vol. 54. No. 4. P. 977–1007. DOI: 10.2307/2132105.

Dynkin A., Burrows M. (eds.) (2016). *Global'naya sistema na perelome: puti k novoi normal'nosti* [Global system on the brink: pathways toward a new normal]. Moscow: IMEMO RAN. 32 p.

Gallarotti G.M. (2011). Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use. *Journal of Political Power.* Vol. 4. No. 1. P. 25–47. DOI: 10.1080/2158379X.2011.557886.

Haugaard M. (2012). Rethinking the four dimensions of power: domination and empowerment. *Journal of Political Power.* Vol. 5. No. 1. P. 33–54.

Hay C. (2002). *Political analysis.* Basingstoke: Palgrave Macmillan. 336 p.

Korolev V.A., Vladimirova A.V., Trunina A.A. (2014). Stranovoi brending i ego otrazhenie v global'nykh reitingakh «myagkoi sily» [Country branding and soft power global ratings]. *International organisations research journal.* Vol. 9. No 2. P. 209–228.

Lasswell H.D., Kaplan A. (1950). *Power and society: a framework for political inquiry.* New Haven: Yale University Press. 295 p.

Ledyaev V.G. (2001). *Vlast': kontseptual'nyi analiz* [Power: a conceptual analysis].Moscow: ROSSPEN. 384 p.

Leonova O. (2013). Myagkaya sila — resurs vneshnei politiki gosudarstva [Soft power as a resource of the state foreign politics]. *Obozrevatel' — Observer*, No. 4. P. 27–40.

Lukes S. (1974). *Power: a radical view.* London: Macmillan. 64 p.

Lukes S. (2005). *Power: a radical view*: 2nd ed. New York: Palgrave Macmillan. 192 p.

Mann M. (2006). *The sources of social power.* Vol. 2. The rise of classes and nation-states, 1760–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 823 p. [Russ. ed.: Mann M. (2018a). *Istochniki sotsial'noy vlasti.* V 4 t. Tom 2. Stanovlenie klassov i natsiy-gosudarstv. 1760–1914. Kniga 1. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKHiGS. 512 p.].

Mann M. (2013). *The sources of social power.* Vol. 4. Globalizations: 1945–2011. Cambridge: Cambridge University Press. 492 p.

Manners I. (2002). Normative power Europe: A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. No. 2. P. 235–258.

Mattern J.B. (2008). The concept of power and the (un)discipline of international relations. In: *The Oxford handbook of international relations.* Ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford: Oxford University Press. 772 p.

Mead W.R. (2009). America's sticky power. *Foreign Affairs.* URL: https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/ (accessed: 08.07.2018).

Mel'vil' A.Yu. (2018). Mogushchestvo i vliyanie sovremennykh gosudarstv v usloviyakh menyayushchegosya mirovogo poryadka: nekotorye teoretiko-metodologicheskie aspekty [Power and influence of modern states within the changing world order: Some theoretical and methodological aspects]. *Politicheskaya nauka.* No. 1. P. 173–200.

Morgenthau H.J. (1948). *Politics among nations: the struggle for power and peace.* New York: Knopf. 489 p.

Morriss P. (2002). *Power: a philosophical analysis.* 2nd ed. Manchester: Manchester University Press. 277 p.

Morriss P. (2006). Steven Lukes on the concept of power. *Political Studies Review*. Vol. 4. P. 124–135.

Nikitin A.I. (2016). Novaya sistema otnoshenii velikikh derzhav XXI veka: "kontsert" ili konfrontatsiya? [New system of relations between great powers for the 21st century: "concert" or confrontation?] *Polis. Politicheskie issledovaniya*. № 1. C. 44-59. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.04.

Nye J.S. (1990). Soft power. *Foreign Policy*. No. 80. P. 153–171.

Nye J.S. (2004). *Soft power: means to success in World Politics.* New York: Public Affairs Group. 192 p.

Nye J.S. (2011). *The future of power*. New York: Public Affairs. 300 p.

Nye J.S. (2014). *Budushchee vlasti* [The future of power]. Moscow: AST. 448 p.

Nye J.S. (2018). How sharp power threatens soft power. *Foreign Affairs*. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power (accessed: 08.07.2018).

Paolini A. (1993). Foucault, realism and the power discourse in international relations. *Australian Journal of Political Science*. Vol. 28. No. 1. P. 98–117.

Parshin P.B. (2013). *Problematika «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii* [Soft power in Russia's foreign policy]. Moscow, MGIMO-Universitet. 38 p.

Parshin P.B. (2014). Dva ponimaniya «myagkoi sily»: Predposylki, korrelyaty i sledstviya [Two understandings of "soft power": prerequisites, correlates and consequences]. *Vestnik MGIMO Universiteta,* No. 2 (35). P. 14–21.

Shakleina T. (2015). Liderstvo i sovremennyi mirovoi poryadok [Leadership and contemporary world order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 35–58.

Simoniya N.A., Torkunov A.V. (2015). Novyi mirovoi poryadok: ot bipolyarnosti k mnogopolyusnosti [New world order: from bipolarity to multipolarity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 3. P. 27–37.

Sprout H., Sprout M. (1945). *Foundations of national power: readings on world politics and American security*. Princeton: Princeton University Press. 774 p.

Walker C., Ludwig J. (2017). The meaning of sharp power. *Foreign Affairs*. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power (accessed: 08.07.2018).

Yudin N.V. (2014). Zhestkii vzglyad na «myagkuyu silu». Kriticheskii analiz monografii Dzh. Naya "Budushchee vlasti" [Hard look at soft power: critical reflections on "The future of power" by Joseph S. Nye]. *Moscow University Bulletin of World Politics.* No. 2. P. 134–163.